

Игорь Петраков

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 18

ОСНОВНЫЕ КОЦЕПТЫ ЦИКЛА В.КРАПИВИНА «В ГЛУБИНЕ ВЕЛИКОГО КРИСТАЛЛА»

ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ ФРАГМЕНТ

Омск 2021

ИП 2019-12-12

В восемнадцатый том моего успешного уже, однако, поднадоест Собрания сочинений вошло исследование творчества русского писателя Владислава Крапивина. Рассмотрены его повести из цикла «В глубине Великого кристалла» и выделены их основные концепты

**Основные концепты
цикла В. Крапивина
«В глубине великого Кристалла»**

исследование

подготовлено при грантовой поддержке журнала «Бузовик»

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.

Биография писателя.

Критика о цикле Крапивина.

Образы цикла.

Герой.

Волшебный помощник.

Второстепенные персонажи.

Командор.

"Взрослый" и "детский" мир в произведениях Крапивина.

Кристалл.

Грань, мир за Гранью (иной мир, сопределье).

Дорога.

Город.

Оранжевый портрет с крапинками

Повесть. 1985 г.

Выстрел с монитора. 1988 г.

Гуси-гуси, га-га-га... 1988 г.

Застава на Якорном Поле. 1988 г.

Крик петуха. 1989 г.

Белый шарик матроса Вильсона. 1989 г.

Сказки о рыбаках и рыбках. 1991 г.

Лоцман. 1990 г.

Помоги мне в пути. (Кораблики)
Роман. 1993 г.

Синий треугольник
Почти фантастическая повесть. 2001 г

СПИСОК рассматриваемых произведений

ВВЕДЕНИЕ

КРАПИВИН Владислав Петрович (р. 1938). Рус. сов. прозаик, журналист, известный также произв. др. жанров; один из видных авторов сов. дет. лит-ры последних двух десятилетий. Род в Тюмени, окончил ф-т журналистики Уральского гос. ун-та в Свердловске (ныне — Екатеринбург), работал в ред. местного журн. "Уральский следопыт", организатор и руководитель дет. отряда "Каравелла". Печататься начал еще в студенческие годы Чл. СП. Первая НФ публикация — "Я иду встречать брата" (1962). Первые р-зы К., писателя-романтика и педагога, чье тв-во целиком принадлежит детской НФ (точнее, совр. романтической сказке или фэнтези), составили сб. — "Далекие горнисты" (1971) и "Баркентина с именем звезды" (1972)
Из первой и единственной в России "Энциклопедии фантастики. Кто есть кто", 1995 г.

Все это заметки, порой тонкие и точные, но разрозненные.
М.С. Штерн.

Не виновен, но заслуживает снисхождения.
М.Е. Салтыков-Щедрин

Очарование детства, неповторимая его отрада отражены в произведениях Владислава Крапивина. Прекрасный мастер прозы, он именно в своих повестях о детстве, достигает наибольшей, высокой выразительности сюжета. «Оранжевый портрет с крапинками», «Выстрел с монитора», «Застава на якорном поле» - вот, пожалуй, самые яркие, самые запоминающиеся его романы. Необыкновенные способности героя, отличающие его в кругу остальных персонажей, смелость, преданность Родине – не могут оставить равнодушными молодых читателей, которым, собственно, и предназначаются названные сочинения. В ряду писателей – авторов произведений с насыщенным, порой фантастическим сюжетом – так выделяется Кир Булычев. Знакомство с его романами началось для нас с известной постановки, вышедшей на экраны в одна тысяча девятьсот восемьдесят четвертом году – с «Гостьей из будущего», а также с повести под длинным названием «Каникулы в космосе или планета Пять-четыре». Так же как романы В.Крапивина, повести Кира Булычева по сути продолжают одна другую, благодаря этому выстраиваются в один большой приключенческий

увлекательный сюжет, который представляется не менее действительным, чем фантастическим.

Нужно отметить еще повесть Евгения Велтистова «Золотые весла времени», в которой герой оказывается в собственном детстве в буквальном смысле! Благодаря Ветру и Алене. Снова посмотреть любимые фильмы, посетить старые уроки, поиграть в те-временные игры – вот какие возможности предоставляются здесь ему. Или, как сказал бы известный писатель Владимир Набоков, «наклониться – и в собственном детстве кончик спутанной нити найти». В школьную программу по литературе для шестого класса (раздел "внеклассное чтение") включены повести Крапивина "Брат, которому семь", "Всадники со станции Роса" и рассказ "Звезды под дождем". Но, по словам О. Виноградовой, знакомство с ними необязательно, поэтому основной массе сегодняшних школьников имя Крапивина не знакомо.

Актуальность исследования

Ряд критиков отмечают необходимость тщательного исследования творчества Крапивина.

"Творчество В.Крапивина занимает достаточно значимое место в современной детской литературе и литературном процессе второй половины двадцатого века. Однако литературоведческого и лингвистического анализа оно не получило", - пишут Е. Юшкова и Н. Лабунец.

"Нормального, беспристрастного литературоведения на крапивинские темы я не встречал, - пишет Е. Муштай, - И не встречу, наверное. Обязательно эмоции, обязательно идеология".

Не говоря пока об идеологии, которую критик (любую) оценивает негативно, позволим себе предположить, что настоящее исследование и станет попыткой трезвого, неэгоистического рассмотрения произведений Крапивина.

А какая славная диссертация могла бы получиться из этой книжки! Как не вспомнить тут фрагмент из сказки «Лариса в стране сказок», описывающей встречу аспиранта и доктора наук.

« .. на дороге ему встретилась старая ведьма - доктор наук.

- Здорово, аспирант! - сказала она, - Какой у тебя славный диплом! А рюкзак! Ну сейчас ты получишь столько денег, как никто другой.

"Да не нужны мне ваши деньги", - хотел сказать аспирант, но из скромности промолчал.

- Видишь то старое дерево? - спросила доктор наук, - Оно внутри пустое, полезай вверх, там отыщется дупло. Спустись в него, но прежде я обвяжу тебя веревкой.

- Зачем мне туда лезть? - спросил аспирант.

- За диссертацией! Когда доберешься до самого низа, увидишь подземный ход: там монографии и статьи, из них и составишь диссертацию. Да, чуть не забыла - на монографиях сидят библиотекари - злющие, а глаза у них, как чайные блюдца!

- Оно бы недурно, - ответил аспирант, - но что за это возьмешь с меня, старая ведьма?

- Не возьму с тебя ни полушки! окромя тридцати пяти тысяч целковых.

- Ну, обвязывай меня! - сказал аспирант.

Спустился аспирант в дупло, набрал монографий да ученых статей на три диссертации. Затем ведьма вытащила его на поверхность.

- Зачем мне эта диссертация? - спросил ее аспирант.

- Не твое дело, - молвила бабушка, - и исчезла в тумане.

Прошло несколько дней. И вот как-то вечером сидит аспирант в своей каморке, совсем уж стемнело, и вспомнил он про свою диссертацию. Стоило ему смахнуть пыль с нее, как дверь распахнулась, и перед ним оказались студенты филологического факультета с глазами, точно чайные чашки.

- Что угодно, господин кандидат наук? - спросили они.

- Вот так история! - воскликнул тогда аспирант - диссертация, выходит, прелюбопытная вещица - я могу получить все, что захочу!»

Итак, ныне исследование о концептах цикла Крапивина является, без сомнения, актуальным. Ибо предлагает рассмотрение важных, концептуальных сторон литературного произведения,

важное при нынешнем «кризисе концептуальности». Именно Крапивин не собирался клеймить "детище коммунистов" - пионерскую организацию - и ликовать по поводу торжества рынка... Может быть, потому что видел, что за "идеологией рынка" стоит пустота.

Задачи исследования –

Выделить основные концепты, образующие цикл «В глубине великого Кристалла». И рассмотреть их как внутри цикла, так и в связи с творчеством Крапивина в целом.

Е. Великанова уже выделила в цикле такие концепты как дом и антидом (Ю.М.Лотман), океан-море, путь-дорога, темный лес. При этом образы пространства подвергаются авторским трансформациям: например, образ темного леса совмещается с значимым для Крапивина образом Города (?? - И.П.)

Несколько слов о материале исследования. Это все произведения цикла.

Основная часть цикла состоит из пяти произведений, вышедших в 1988—1989 годах:

«Выстрел с монитора» (1988)

«Гуси-гуси, га-га-га...» (1988)

«Застава на Якорном Поле» (1988)

«Крик петуха» (1989)

«Белый шарик матроса Вильсона» (1989)

Эти произведения составляют ядро цикла и именно они входили в первоначальный план.

Позже были написаны произведения, стоящие от основного цикла некоторым особняком, перекликающиеся с сюжетом основных произведениях цикла лишь косвенно:

«Сказка о рыбаках и рыбках». (другое название — «Лунная рыбка», 1991)

«Лоцман» (1990).

Так же к циклу «В глубине Великого Кристалла» можно отнести роман «Кораблики, или Помогите мне в пути» (1993) и «Синий треугольник» (2001), не имеющие сюжетной связи с основными произведениями цикла[6], однако происходящие в тех же мирах с теми же свойствами. Близкими по духу произведениями, хотя в них и не упоминается Великий Кристалл, являются ранний рассказ «Я иду встречать брата» (1962) и повесть «Оранжевый портрет с крапинками»[6] (1985).

Впервые произведения цикла выходили в журналах «Пионер» («Выстрел с монитора»: 1988, № 10—12; 1989, № 1, 2; «Застава на Якорном Поле»: 1989, № 10—12, 1990, № 1, 2) и «Уральский следопыт» («Крик петуха»: 1990, № 8—10; «Белый шарик матроса Вильсона»: 1991, № 6—8; «Лоцман»: 1992, № 1—3). «Крик петуха» и «Белый шарик...» были оформлены иллюстрациями Евгении Стерлиговой, «Лоцман» — иллюстрациями сына писателя — Павла Крапивина.

В дальнейшем повести цикла публиковались как отдельными изданиями, так и в составе сборников. В 2005 году издательством «Эксмо» был выпущен двухтомник «В глубине Великого Кристалла», включающий девять произведений. В 2009 году тем же издательством цикл был выпущен в виде однотомника.

"Цикл "В глубине Великого Кристалла" и так оказался больше, чем я ожидал, - рассказал Крапивин, - Я хотел сначала закончить его повестью "Белый шарик матроса Вильсона". Потом неожиданно как-то, подспудно, откуда-то изнутри пошла повесть "Лоцман", на основе, может быть, каких-то снов, и даже подсознания немножко. Там ещё Херсонес вспомнился... Этот храм полуразрушенный, эти сны про подземный город... И мысли об этом мальчике, о материнстве.. А потом уже туда встряла, предпоследней, неожиданно, в 91-м году, повесть "Сказки о рыбаках и рыбках". Уже совсем как-то дополнительно, я даже и не думал, но она сама напросилась"¹.

¹ О себе писатель говорит так: "А я и не пишу целый день. Особенно летом. Работой занимаюсь примерно полдня, с утра до обеда. А потом часто гуляю по старым улицам своей родной Тюмени, разглядываю цветы и деревья, общаюсь со встречными котами и псами (замечательные животные!), беседую со знакомыми, смотрю на разные катера и теплоходы, которые ходят по реке Туре. Я всю жизнь любил наблюдать за кораблями".

По словам Дм. Байкалова, частично пересекаются с циклом две написанные ранее трилогии: "В ночь большого прилива" и "Голубятня на желтой поляне". Плюс, по мнению автора, еще две повести можно поселить в пространстве Великого Кристалла: "Я иду встречать брата" и "Оранжевый портрет с крапинками". В них Кристалл еще не упоминается, однако по духу они весьма близки к базовому циклу.

Критики – о цикле «В глубине Великого Кристалла»

По словам Д.С.Лихачева, "литература - это учительство и ее миссия - просветительство, то, что изначально составляло ее сущность". По мнению А. Нянина, у В.Крапивина видно, что его книги выполняют не просто просветительскую и воспитательную функции, а основываются на педагогическом (в лучшем смысле!) опыте.

"Несмотря на обескураживающие повторы - Крапивин писатель талантливый, - считает Р. Арбитман, - Он умеет моделировать фантастические ситуации, умеет делать повествование занимательным, лепить характеры своих персонажей пусть не многокрасочными (этого схема не может позволить), но всё-таки живыми".

Перед глазами читателя встает емкая многоцветная и чарующая картина, написанная живыми красками, считает А. Бор. В самом деле, произведения Крапивина из цикла "В глубине Великого Кристалла" богаты на эпитеты, интересные сближения.

Повести о Великом Кристалле — увлекательные приключенческие произведения, не которые из них близки жанру триллера, считает А.Бор. Писатель умело строит сюжет: головокружительные перемещения в пространстве и во времени, загадки и тайны, погони.. Загадочность словно лежит в основе мироздания, которое отнюдь не одномерно, отнюдь не так просто, как кажется.

"Однажды "заболевших" книгами Крапивина манит ни с чем не сравнимая атмосфера добра, дружбы, верности, человеческих привязанностей, честности и чести, заставляющая вспомнить лучшие книги Грина, Сент-Экзюпери и Януша Корчака... Романтика в лучшем смысле этого слова" (М. Борисов).

О писателе так свидетельствует М. Борисов: "Кто-то с удивлением обнаружит в "непритязательных", на первый взгляд повестях Крапивина (сам он даже оговорку в интервью делает, сомневается, он, мол, в собственном профессионализме - это войдя в фонд всемирной детской литературы и будучи признанным и издаваемым во всём мире) безукоризненный рисунок эмоций, испытываемых героями, удивительно точные наблюдения (особенно в том, что касается ощущений, связанных с детством) и сложные конструктивные приёмы "двоемирия", разрабатываемые в своё время романтиками и Достоевским, отражения происходящего в разных сознаниях. Символизм и замысловатые аллегории".

Нельзя не заметить, что Крапивин значительно более подробно и точно разрабатывает концепцию "двоемирия". Философская основа его книг - в том, что мир многомерен, и мы знаем лишь его небольшую часть. Значит, наш ждут впереди новые открытия.

Есть в самом деле интересное сближение Крапивина и Достоевского. В произведениях Достоевского герою - Раскольникову - снятся удивительные сны. И герой Крапивина иногда путешествует будто по логике сна, - по логике, согласно которой разворачиваются происшествя в загадочном сопределье.

У Крапивина М. Борисов не зря находит превосходное, психологически точное описание ярких снов и детских мечтаний. Герой Крапивина наделен особой восприимчивостью к снам. "Крапивин — писатель, который умеет создавать особую атмосферу, он прекрасно владеет словом, ему удастся создавать особое поэтическое мироощущение" (А. Бор).

Писатель создает в самом деле удивительные пространства - воссоздает в своих произведениях целые миры за гранью "реальности".

"В.Крапивин - один из тех, кто пишет только о детях и для детей"- говорилось о нём в 1975 году (Кузин Н. Между жизнью и сказкой.//На смену! 1975. 9 окт.). Поэтому писателю

приходится специально указывать на эту характерную черту своих книг. Прежде всего они о воспитании детей взрослыми и о самовоспитании детей.

В том же 1975 году И. Мотяшов заметил, что такие книги "спорят с устаревшими методами воспитания и отжившими догмами, и сами при этом могут рассматриваться детьми и взрослыми как практические руководства по воспитанию, как учебники по педагогике" (Мотяшов И. Верность большому искусству // Дет. лит. 1975. №8.). А ещё раньше, оценивая повесть "Оруженосец Кашка", С. Баруздин, в сущности, подчёркивает то же: "...о сегодняшней ребячьей жизни со всеми её радостями, хлопотами и заботами, о взрослых тётях и дядях, которые не всегда пони мают, что воспитывать новое поколение советских людей надо с малолетства и без демагогии".

"Владислав Крапивин всегда стремится быть старшим братом своему читателю: утешителем, защитником, проводником в мир необычайных героических приключений", - замечает В. Петрова.

История создания цикла «В глубине Великого Кристалла».

По словам О. Виноградовой, цикл фантастических произведений "В глубине Великого Кристалла" создавался постепенно. Первые три повести этого цикла "Выстрел с монитора", "Гуси-гуси, га-га-га", "Застава на якорном поле" вышли в тысяча девятьсот восемьдесят девятом году. В тысяча девятьсот девяностом и девяносто первом годах были опубликованы повести "Крик петуха" и "Белый шарик матроса Вильсона", последней из которых автор хотел завершить цикл, но "потом неожиданно как-то, подспудно, откуда-то изнутри пошла повесть "Лоцман" [1992 — О.В.]... А потом уже туда встряла предпоследней, неожиданно ...повесть "Сказки о рыбаках и рыбках" [1992]".

Виноградова говорит и о повестях - предшественниках цикла.

По ее словам, некоторые структурные элементы крапивинского мироздания появляются уже в первой фантастической "маленькой повести" "Я иду встречать брата" (1961).

В "летающей сказке" "Летчик для особых поручений" (1975) появляется "своего рода крапивинская страна - утопия — город Ветрогорск, прекрасный край детства и сказки". В городе Ветрогорске живет Яков Михайлович Скицын, герой повести "Белый шарик матроса Вильсона", в прошлом мальчик-звезда.

Трилогия "В ночь большого прилива" знакомит читателя со "светлым штурманом Иту Лариу Дэном" (Дэни), мальчиком-трубачом, спасшим свой город от нашествия врагов. Во многих гранях Великого Кристалла он известен как один из Святых Хранителей, к которым обращаются за поддержкой люди.

Кроме того из повести "Вечный Жемчуг" — последней части трилогии — мы узнаем о звездном жемчуге, из которого мадам Валентина фан Зеехафен ("Выстрел с монитора") вырастила живой кристалл Яшку.

История Гельки Травушкина ("Голубятня на желтой поляне"), известна во всей Вселенной, его галактику можно увидеть в небе всех граней. В "Голубятне..." описываются и "крах идеологов мыслящей галактики", и восстание воспитанников Морского Лицея, так пугающее Кантора в повести "Застава на Якорном Поле".

В сказках "Тополиная рубашка" (1991), "Самолет по имени Сережка" (1994) появляются существа, населяющие Великий Кристалл: чуки, шкыдлы ("Сказки о рыбаках и рыбках"), ржавые ведьмы ("Голубятня на желтой поляне"); в "Дырчатой Луне" и "Самолете по имени Сережка" возникает тема так называемых безлюдных пространств.

БИОГРАФИЯ ПИСАТЕЛЯ

Владислав Петрович Крапивин родился 14 октября 1938 года в городе Тюмени. В семье родителей-педагогов Петра Федоровича и Ольги Петровны Крапивиных он был третьим ребенком — после сестры Людмилы и брата Сергея (с которым вместе написал потом три повести).

О своем детстве писатель вспоминал:

В первый класс я пошел в сорок пятом.

Постоянное ощущение дошкольной поры — очень хотелось есть. Несмотря на то, что и мама, и старшие брат и сестра (они работали на оборонном заводе) делились со мной своими пайками. От голода и частой стужи (не хватало дров) на долгие годы поселился во мне ревматизм... Но были и радости жизни: письма с фронта от папы; горящая печка с раскаленной плитой, на которой можно поджаривать тонкие ломтики картофеля (кажется, сейчас это называется "чипсы"); книжки про Буратино, Гулливера и детей капитана Гранта, которые я брал у соседей. Читать-то я научился очень рано...

Помню девятое мая сорок пятого года, когда пьяный от радости сосед-военный с крыльца палил в воздух из маленького черного браунинга...

После войны у отца появилась другая семья. А у меня — отчим. Человек с тяжелой судьбой, со сложным характером. Бог с ним, я не помню обид, только вот одного простить ему не могу: однажды он убил мою любимую кошку, которая, по его словам, таскала с кухни еду...

Послевоенные годы тоже не были сытными. И все же я вспоминаю их с теплой радостью. Кажется, стояло вечное лето. Длинные жаркие дни — с футболом, с воздушными змеями, с короткими бурными грозами и яркими влажными радугами после них. И была у нас, мальчишек, самая большая радость — река Тура. С береговыми косогородами, песчаными отмелями и старинными развалинами на обрывах.

Мне мое детство казалось похожим на детство Тома Сойера — героя любимой книжки. Так же шлепали гребными колесами на реке пароходы, так же мы с друзьями играли в разбойников и пытались отыскать клад. Золота, правда, не нашли, но старинные монеты нам иногда попадались... А каким радостным, просто ошарашивающим открытием был для меня дядюшкин рассказ, что с нашей реки — через Тобол, Иртыш и Обь — можно приплыть прямо к Ледовитому океану! Я пускал в желтую воду Туры сосновые кораблики и надеялся, что их в конце концов увидят белые медведи.

"Писать я стал очень рано. А чтобы сочинить повесть или роман, надо знать ту жизнь, о которой рассказываешь в своей рукописи. А что я мог знать в шестнадцать-семнадцать лет, кроме собственного детства и своих школьных и дворовых друзей-приятелей? Про это и начал. И понравилось..."

- «Том Сойер» с семи лет был моей любимой книгой, - говорит Крапивин в одном из интервью, - я ее перечитывал десятки раз, картинки тоже разглядывал, фильм (той поры) тоже смотрел, а созданный моим воображением Том всегда жил внутри у меня и оставался главным...

Возможно, поэтому качества Тома Сойера писатель впоследствии наделял героев своих книг.

"У меня желание стать писателем возникло в восьмилетнем возрасте, когда пришла в голову мысль: «Если книжки так интересно читать, то писать их, наверно, еще интереснее!» Значит, прежде всего надо любить книги, - говорил Крапивин, - Потом почувствовать интерес к их написанию. Затем необходимо трудолюбие и терпение — без них не напишешь даже маленький рассказик. Ну и самое главное — развивать в себе способности".

"Наш взгляд на писательское своеобразие В.Крапивина основывается не только на литературных традициях, но на его жизнедеятельности в целом. Истоки его находятся в детстве писателя. Он рос в семье педагога, мечтал о мореходке, не менее сильной была и тяга к сочинительству, литературе. Отсюда соответствующее воспитание и самовоспитание, склонности, способности, мечты. Затем журналистское образование, работа по специальности, начало литературной деятельности, а заодно жгучий интерес к детям", -- считает А. Нянин.

Детство Владислава Петровича пришлось на войну и первые послевоенные годы. "Дети обычно хотят скорее стать взрослыми, а мне, наоборот, хотелось, чтобы подольше было

детство. Не хватило собственного детства из-за войны, наверно, потому и стал писать о ребятах и для ребят", — вспоминает он. По словам Л. Колесовой, писать начал рано: первые стихи напечатаны в "Пионерской правде". Когда пришлось выбирать профессию, нарушил семейную традицию и вместо педагогического поступил на факультет журналистики Уральского государственного университета.

Выходец из педагогической семьи, Крапивин и сам одно время мечтал пойти в педагогический институт, но тяга к творческому самовыражению взяла верх. После окончания школы он поступил на факультет журналистики в Свердловский университет. "И первую свою повесть о Стране Синей Чайки написал будучи первокурсником, в 1957 году, вернувшись в Свердловск после двухмесячной поездки на целину. Потом долго думал, включать ли ее в двадцать шестой том собрания своих сочинений. И все-таки включил, объединив рассказы из студенческих тетрадей названием "Восьмая звезда".

По словам А. Гора, "Я иду встречать брата" было первым фантастическим произведением писателя, которое он написал будучи студентом, вместо подготовки к госэкзаменам.

— Первую свою фантастическую вещь - повесть "Я иду встречать брата" - я написал в 61 году, когда был студентом-выпускником и готовился к государственному экзамену по истории КПСС. Вместо того чтобы готовиться, я начал писать эту вещь, в общем-то, многим рискуя. И написал ее за трое суток. По этой причине я чуть не завалил экзамен, но ничего - сдал на четверку. Так что первая фантастическая вещь появилась у меня, когда я только начинал.

"Госэкзамены, впрочем, были успешно сданы, а повесть столь же успешно опубликована в журнале "Уральский следопыт" в 1962 году. Дебют оказался удачным, и уже в 1963 году повесть была опубликована в ежегоднике "Фантастика-63", а позднее переведена на иностранные языки". Первая повесть писателя затем неоднократно переиздавалась в авторских сборниках "Я иду встречать брата" — произведение, типичное для фантастики 60-х годов".

О том, как выходила его первая книжка, Крапивин рассказывает так: "В 1961 году я защищал диплом в университете на факультете журналистики. Начавшаяся эпоха относительной демократии и некоторых послаблений пришла и туда. И в том году впервые были разрешены так называемые "творческие дипломы". До этого темы дипломов формулировались примерно так: "Роль партийной организации газеты "Ульяновская правда" при освещении уборочных работ в таком-то году". А тут сказали: "Выбирайте себе жанр (очерк, рецензия, репортаж), делайте короткое теоретическое вступление, а дальше в качестве диплома можете представлять свои творческие работы". Я взял тему "Очерк и рассказ в газете и журнале" и написал диплом, на 80 процентов состоящий из рассказов. Кто-то из преподавателей показал эту мою работу в Свердловском издательстве (позже оно стало называться "Средне-Уральское"). И однажды редактор этого издательства Ирина Алексеевна Круглик пригласила меня к себе и сказала, что рассказы ей понравились и если добавить еще парочку, может получиться книжка. Спросила: не желаю ли я напечататься? Я желал! И в результате вышла книжка "Рейс "Ориона"" — небольшой сборник рассказов о школьниках. Очень хорошо изданная, на мелованной бумаге, с цветными картинками, тиражом по тем временам небольшим, а по нынешним — вполне достойным: 15 тысяч экземпляров".

Вот что пишет о Крапивине А. Копейкин -

Морем Крапивин буквально заболел еще в детстве — мечтал о морских путешествиях, хотел поступить в мореходное училище. Да и взяться за перо его заставила самая что ни на есть морская книга — "Остров сокровищ" Р.Л.Стивенсона. В феврале сорок пятого года Владик нашел среди старых бумаг "лохматую книжку без корочек" и "утонул в ней с головой". Вполне естественно, что первый рассказ Крапивина был... о пиратах на необитаемом острове. Рукопись ждала печальная участь: с приходом весны Владик понаделал из нее парусов для самодельных корабликов, которые пускал в лужах.

В мореходку он не поступил. Так же как и в педагогический, хотя у него были все шансы пойти по стопам родителей (оба — педагоги). Окончил факультет журналистики Уральского

государственного университета. Еще во время учебы бросил писать стихи и начал — рассказы, но "не о пиратах и кораблекрушениях, а о друзьях своего детства. Жизнь Мальчишек и девчонок казалась мне теперь не менее интересной, чем поиски кладов на острове". Кстати, одна из глав крапивинской дипломной работы называлась "Друзья мои — мальчишки".

Работать молодой журналист пошел в газету "Вечерний Свердловск" (еще во время обучения в университете был зачислен в штат газеты), а затем и в журнал "Уральский следопыт", где были напечатаны его первые сочинений. Вскоре и собственная книжка появилась — сборник рассказов "Рейс Ориона" (1962), за ней вторая, третья — все о ребятах и для ребят. И вот уже Владислав Крапивин — профессиональный писатель, один из самых способных и многообещающих, с которым сотрудничает даже столичный журнал "Пионер".

Несколько лет он работал литературным сотрудником и заведующим отделом в журнале "Уральский Следопыт". Позднее, в 1965 году, ушел на творческую работу.

В 1961 году Владиславом Крапивинным был создан детский отряд "Каравелла" (в 1965 году над отрядом взял шефство журнал "Пионер"). Профиль отряда — журналистика, морское дело, фехтование. Отряд существует до настоящего времени, ранее имел статус пионерской дружины, пресс-центра и парусной флотилии журнала "Пионер". Владислав Петрович руководил отрядом более тридцати лет, в настоящее время во главе "Каравеллы" молодые выпускники отряда.

Первая книга Владислава Крапивина "Рейс "Ориона"" вышла в 1962 году в Свердловске. Спустя два года автор был принят в члены Союза писателей.

В настоящее время у В. Крапивина около двухсот изданий на различных языках. Его книги были включены в "Золотую библиотеку избранных произведений для детей и юношества", "Библиотеку приключений и научной фантастики", "Библиотеку мировой литературы для детей", в японскую 26-томную серию "Избранные сочинения русских писателей для подростков".

Первые книги Крапивина "Рейс "Ориона" (1962), "Брат, которому семь" (1963) появились, когда писателю было всего 25 лет, но тем не менее они сразу были отмечены читателями и критиками. За ними последовали "Палочки для Васькиного барабана" (1965), "Звезды под дождем" (1965), "Оруженосец Кашка" (1966), "Валькины друзья и паруса" (1967), "Путешественники не плачут" (1968), "Бегство рогатых викингов" (1970), "Тень каравеллы" (1971), "Далекие горнисты" (1971), "Баркентина с именем звезды" (1972), "Посмотри на эту звезду" (1972), "Всадники со станции Роса" (1975), "Мальчик со шпагой" (1976) и многие другие.

Отвечая на вопрос о том, почему он выбрал основным занятием в жизни именно детскую литературу, Крапивин неизменно отвечает - "Дети обычно скорее хотят стать взрослыми, а мне наоборот, хотелось, чтобы подольше было детство... Не хватало собственного детства из-за войны, наверно, поэтому и стал писать о ребятах и для ребят", и еще - "Мне всегда двенадцать лет"..

"Первые же книги уральского писателя ("Рейс "Ориона" (1962), в основу которых легли рассказы о детях, вошедшие в дипломную работу В.Крапивина, выпускника факультета журналистики Уральского государственного университета в Екатеринбурге, "Брат, которому семь" (1963), "Палочки для Васькиного барабана" и "Звёзды под дождём" (1965), "Оруженосец Кашка" (1966)) были тепло и заинтересованно встречены критиками, единодушными во мнении, что в детскую литературу пришел яркий и самобытный писатель, который, несмотря на молодость (первая книга появилась, когда автору было 24 года), обладает неоспоримым художественным талантом и великолепным знанием детской психологии. Авторы первых критических статей, посвященных творчеству В.Крапивина, такие, как Ю.Дюжев, Э.Бояршинова, Л.Юнина, Е.Спехов, отмечали неразрывную связь литературного труда молодого писателя с его педагогической деятельностью" (Н. Богатырева).

"А начинал он блестяще. Как тонкий и точный стилист, обладатель своей неповторимой манеры (желающие могут перечитать "Ту сторону, где ветер", например). Ну, манера-то осталась, развивалась и развилась. В пародию на самое себя. И назвать Владислава Петровича писателем язык у меня не повернется. Не тем он уникален, не тем "цепляет". Не литературой как таковой" - считает Е. Муштай.

Крапивин в шестидесятых годах оказывается в городке у моря, который впоследствии появится в его произведениях.

"В 1960 году, после студенческой практики в «Комсомольской правде», я наскреб денег и приехал в Севастополь. Слушаясь «внутреннего голоса», двинулся от вокзала переулками, наугад, и вдруг увидел синюю стену с солнечными проблесками. Не сразу понял, что это – море. А когда понял, ощутил, что у меня началась новая жизнь..."

"Его клуб "Каравелла" рос и креп в 60-е годы, во времена известного "коммунарского движения 60-х годов". Так и писалось: у Януша Корчака есть Дом сирот, у Гайдара - тимуровская команда, у Сухомлинского - Павлышская школа, а у Крапивина - "Каравелла". В ряде статей В.Крапивин непременно фигурирует как писатель-педагог".

Но только в немногих произведениях Владислав Крапивин "списывает с натуры" свой отряд "Каравелла", считает .. Широкова, - в старых рассказах, в повести "Звездный час Сережи Каховского", где действует похожий клуб "Эспада".

Итак, отряд возник в Свердловске в 1961 году. Отряд назвали "Каравелла", потому что "основным занятием ребят было изучение морского дела и самостоятельная постройка парусных судов. Все парусники в "Каравелле" сделаны детскими руками по чертежам Командора, как ребята стали вскоре называть своего наставника. Также там занимаются фотоделом, журналистикой, фехтованием".

А. Нянин сравнивает "Каравеллу" Крапивина с педагогической организацией Макаренко. "Если литература в целом выполняет воспитательную функцию, то у В.Крапивина, как в свое время у Макаренко, это одна из основополагающих сторон творчества, опирающегося и на практику, и на традиции, которые мы здесь условно называем макаренковскими, хотя имеем в виду не одного А.С.Макаренко. Можно даже в известном смысле сказать, что В.Крапивин творит свою "педагогическую поэму".

"Двадцать семь лет существует в Свердловске знаменитый клуб «Каравелла». Владислав Петрович придумал его, когда ему было двадцать три года, значит, этот год юбилейный! Но, наверное, нелегко найти более «неюбилейного» человека" (Л. Звонарева).

В отряде "Каравелла" обучается даже .. солист группы "Смысловые галлюцинации". "В группе "Смысловые галлюцинации" лидер - наш выпускник. Есть и журналисты", - сообщает писатель в одном из интервью.

Любопытно, что в стихах С. Бобунца тоже есть такое равнодушное и весьма критическое отношение к "реальности" нулевых годов. Соединенное, между прочим, с иронией и аллюзиями на произведения современных поэтов.

"Примечательно авторское предисловие к "Тени Каравеллы". Когда маленький мальчик остался дома по причине прохудившихся ботинок, он решил, чтобы прогнать одиночество, соорудить из сосновой коры кораблик. Кто мог тогда предположить, что это увлечение не окажется минутным? Позднее Крапивин собирался поступить в мореходку, но что-то в стуках сердца не понравилось врачам.. Начинаясь же "Каравелла" с полуподвала, откуда выселили выпивох и любителей бильярда. И тут началось. Шквал жалоб посыпался на отряд. Писали пенсионеры, педагоги, так называемая общественность. Больше всего, понятно, доставалось Крапивину: в одной из жалоб он назван (цитирую) "руководителем вредной организации, ослепленным ранней известностью, использующим приятельские связи с прессой и оторвавшимся от народа автором каких-то книжек". Признаться, я сомневался, приводить ли подобные отзывы, стоит ли тиражировать злобность. Пересилило то обстоятельство, что в истории с "Каравеллой" наглядно виден Крапивин-борец" (С. Мешавкин).

"Не было помещения, средств, маломальского оборудования - это еще полдела. Нажили, заработали, сделали многое сами... Не было частенько понимания, доверия, дружеской

помощи со стороны окружающих - это уже хуже. Однако во всех концах страны знают сейчас "Каравеллу" и ее командира.

Да, командир "Каравеллы" - человек упрямый, несговорчивый, неудобный. Но, может быть, будь он другим, не выстоять "Каравелле" в штормах и бурях, которых немало было за 25 лет? "Но ведь он и ребят растит такими! - возмущается и сейчас кое-кто. - Они все у него с гонором, с собственным мнением, ничего не боятся!".

А почему они должны чего-то бояться - наши нынешние мальчишки и девчонки?" (И. Ханхасаева).

В семидесятые, в годы, "когда все больше и больше становилось "квакиных", каждый из которых похлеще гайдаровского, В.Крапивин создавал свою концепцию подростка, творил "тимура" 70-х годов, во многом отличного от гайдаровского, но похожего в главном - человеческом". Впоследствии сам писатель сформулировал свою позицию достаточно четко: "По моему мнению, современному подростку не хватает некоего нравственного стержня, понятия о рыцарстве, мальчишеском благородстве... Ему не хватает твердости характера, убеждений, стремления к самостоятельности решений и поступков. Начиная с повести "Мальчик со шпагой", я хочу создать образ современного мальчишки таким, каким я его вижу, хотел бы видеть. Это не рыцарь без страха и упрека, он может и поплакать, и даже бояться чего-нибудь, но в критический момент он обнажит шпагу и сразится против несправедливости, подлости. Он поступит так из-за убеждений" (В.Крапивин. Впереди по курсу - будущее. 1982г).

По словам С. Мешавкина, еще в семидесятые Крапивин начал бить в колокол о неблагополучии в школе. Исследователь приводит его гневные выступления в газетах "Вечерний Свердловск", "Литературная Россия". "На календаре 1979 год (можно сыскать и более ранние публикации). Писатель рассказывает об обыденных фактах из жизни школы N 138 города Свердловска. Во время перемены упал и сломался старый деревянный циркуль. Ребята в наказание стояли на ногах два часа и соответственно на столько же опоздали на обед. Во время обеда замдиректора по внеклассной работе отобрала у детей миски с супом и выплеснула содержимое на пол. Детей бьют по щекам, роются в портфелях. Почему, вопрошал Крапивин со страниц газет и журналов, современная школа ценит и формирует в своих воспитанниках два свойства: не получать двоек и быть послушными?"

В это время одного из читателей увлечение творчеством Владислава Петровича Крапивина довело до психиатрической больницы. "Начитавшись «Мальчика со шпагой», он как «человек эмоциональный» буквально «заболел идеей всеобщего благоденствия». И решил действовать. Вскрыл машину-рефрижератор. Внутри была колбаса. И Сережа стал бесплатно раздавать ее всем желающим. Стоящие в очереди милиционеры не сразу сообразили, что здесь дело нечистое. Парень полгода провел в клинике Сербского".

А. Сидорова выделяет периоды творчества Крапивина, связанные с его самыми крупными произведениями.

“В ночь большого прилива”, полностью впервые опубликованная в 1979 году (повесть “Далекие горнисты” - отдельно в 1971 году), - одно из ранних произведений писателя. Затем следует “Голубятня на желтой поляне”², которая впервые опубликована в 1985 году, через несколько лет после “Ночи...”, в более поздний период творчества писателя.

² Об истории создания трилогии "Голубятня на жёлтой поляне" Крапивин говорил в "Уральском следопыте": "Изначальным толчком послужила для меня сцена появления мальчишки в рубке космического крейсера, затерявшегося в пространстве. В этом эпизоде содержалась и завязка какого-то действия, и необычайная загадка, требующая своего раскрытия, и, может быть, даже некий символ: мальчишка - как луч в приоткрытую дверь - врывается в неподвижное одиночество корабля. Словом, именно этот эпизод, "разматываясь" во времени и пространстве, заставил появиться всю трилогию".

При этом исследователи творчества В. Крапивина упоминают “Голубятню...” и “Ночь...” в одном контексте: “Необычному, романтическому, чудесному писателю отводит все возрастающую роль в раскрытии своих замыслов и принципов (прежде всего – этических) в трилогии “В ночь большого прилива”, в “Голубятне на желтой поляне”, “На стелажах встали бы “Голубятня на желтой поляне” и “В ночь большого прилива...”, “.. герой Крапивина в соответствии с уже сложившейся романтической поэтикой выступает в качестве “готового”, вполне сформировавшегося романтика и бунтаря-одиночки. Он вступает в схватку со всей государственной машиной, с тоталитарным режимом острова-государства (“Дети синего Фламинго”), чужой планеты (“В ночь большого прилива”), целой галактики (“Голубятня на желтой поляне”)”.

По словам О. Виноградовой, в шестидесятые, семидесятые годы, а также в начале восьмидесятых в творчестве Крапивина преобладала реалистическая линия: фантастических, в основном сказочных, произведений написано немного (1962 — “Я иду встречать брата” // “Уральский следопыт”, №8; 1970 — “Далекие горнисты” // “Пионер”, №1; “Старый дом” // “Урал”, №6; 1971 — “Баркентина с именем звезды” // “Уральский следопыт”, №4; 1973 — “Летчик для особых поручений” // “Уральский следопыт”, №11-12; 1977 — “В ночь большого прилива” // “Уральский следопыт”, №12; 1981 — “Дети синего фламинго” // “Уральский следопыт”, №1-3)

В восьмидесятые годы писатель осваивает большие жанровые формы: выходит в свет начатая еще в тысяча девятьсот семьдесят первом году роман-трилогия “Голубятня на желтой поляне” (“Уральский следопыт”, №1-3), а с тысяча девятьсот восемьдесят шестого сказочные и фантастические повести Владислава Крапивина публикуются каждый год (1986 — “Тополиная рубашка” // “Уральский следопыт”, №6-7; 1987 — “Оранжевый портрет в крапинку” // “Пионер”, №4-8; 1988 — “Выстрел с монитора” // “Пионер”, №10-12; 1989 — “Выстрел с монитора” // “Пионер”, №1-2; “Застава на Якорном Поле” // “Пионер”, №10-12; “Гуси-гуси, га-га-га” // “Урал”, №8-9; 1990 — “Крик петуха” // “Уральский следопыт”, №8-10; 1991 — “Белый шарик матроса Вильсона” // “Уральский следопыт”, №6-8; 1992 — “Лоцман” // “Уральский следопыт”, №1-3; 1992 — “Сказки о рыбаках и рыбках” // “Лепта” (Москва), №3,5,6; 1993 — “Кораблики” (отрывок) // “Областная газета” (Екатеринбург), 26 окт.)

В семидесятые - восьмидесятые годы Крапивин пишет около семи десятков повестей, рассказов, сказок и притч (к последним исследователи относят трилогию “Далёкие горнисты”, а также “Баркентину с именем звезды” и “Старый дом”, не случайно объединённые в один сборник с рассказом “Я иду встречать брата”, не столько фантастическим, сколько провидческим). “И все эти произведения — часть единого целого, создают они в совокупности страну Крапивию, охватывающую пространство от Тюмени до Гродно и от Свердловска до Севастополя” (Яков Цукерик).

“.. пишу книги, потому что это – мое призвание. То есть я не могу не писать. Мне нравится жить в обстановке моих книг, среди героев, которых я люблю. Через книги я высказываю свое отношение к реальной жизни, пытаюсь поделиться с читателями своими чувствами и мыслями. И я бываю счастлив, когда читатели мне говорят, что мои книги им интересны и даже в чем-то помогли...” - утверждал Крапивин.

О своем писательстве Крапивин говорит так: “Валя, в книге все «труднее»: и сюжет, и герои, и описания... Если что-то начинает писаться или складываться слишком легко, значит это халтура. Надо остановиться и задумываться... А когда заканчивать повесть, я знаю заранее, потому что перед тем, как сесть за работу составляю план”.

- Скажите, пожалуйста, это очень трудно быть писателем? Или не очень? - спросили как-то у Крапивина.

— По-моему, очень. Книга, над которой работаешь, выкачивает из тебя энергии не меньше, чем физический труд (? - И.П.). Порой встаешь из-за стола с таким ощущением, будто целый день дрова колот или мешки с картошкой грузил. Хотя всего-то водил карандашом в тетради...

"Когда заканчиваешь рукопись, здесь и радость, и в то же время печаль. И действительно ощущение какой-то опустошенности", - говорил Крапивин. Написал, передохнул, и надо перепечатывать рукопись. Надо ее редактировать, иногда переписывать большие куски. Вот и возвращаешься снова в мир своих героев... Потом тебе дают корректуру — типографские оттиски текста, который будет печататься в журнале или книге. Значит, снова надо читать, править, жить.

И, по словам писателя, бывает еще одна встреча со своими героями — это когда художник сделал иллюстрации к книжке, ".. смотришь на них, на героев, как бы со стороны, под неожиданным углом зрения".

"Я знал немало молодых людей с литературным талантом, которые не могли закончить ни одной своей рукописи. Потому что талант — это лишь одна часть писательского дарования. Вторая, не менее важная, — усидчивость, способность заставить себя не отступать от своего замысла. Надеюсь, трудолюбия у тебя хватит".

«Крапивин имеет очень определенного учителя. Это Гайдар», - считает А. Петухова.

По мнению исследовательницы, книги Крапивина отмечены влиянием именно гайдаровской прозы. "Как и Гайдар, он поэтизирует романтику пионерской жизни с ее всегда привлекательными для ребят военными атрибутами: горнами (помните Колю Колокольчикова с его блестящим медным горном, которым он известил Мишку Квакина о прибытии парламентаров с ультиматумом Тимура?), барабанами, сборами у костров, походами.

Его ребята, как и тимуровцы, активно служат добру, защищают слабых, помогают младшим, много фантазируют, утверждают справедливость и наказывают зло. Можно было бы сказать даже, что ребята Крапивина — это дети гайдаровских героев".

По словам А. Петуховой, с гайдаровскими фразами, словами, интонацией соседствуют у Крапивина и целые ситуации, скалькированные будто прямо из гайдаровских книг. "Скажем, сцена защиты Пимычем маленького Кашки от бабки, собравшейся строго наказать ни в чем не полипного ребенка, — это почти повторение сцен из "Тимура и его команды", в которых ребята вступаются перед бабкой за бедную Ньюрку. И даже путь, которым попадают в чужие сады тимуровцы у Гайдара и Пимыч у Крапивина, один: через забор".

В восьмидесятые в отряде "Каравелла" ребята "изучают морское дело, строят парусные яхты, ходят в походы, выпускают газеты, читают книги, мастерят модели, соревнуются в стрельбе из лука, учатся фехтовать — то есть занимаются всем тем, чем так увлечены герои крапивинских книг" (А. Петухова).

В восьмидесятые писатель стал лауреатом премии Ленинского комсомола, кавалером ордена Трудового Красного Знамени, обладателем приза "Аэлита" (за повесть "Дети Синего Фламинго").

В 1960—80-е годы публикации, посвященные творчеству Крапивина, регулярно появлялись в литературно-критическом журнале «Детская литература» (А.Петухова, В.Мотяшов, А.Марченко, В.Смирнова, С.Фурин, А.Лиханов, Е.Зубарева, В.Гопман, М.Липовецкий и др.), на страницах екатеринбургского литературно-художественного журнала «Урал» (И.Мотяшов, В.Рогачев, В.Бугров, А.Разумихин, В.Лукиянин, С.Мешавкин, Н.Качмазова и др.), считает Е. Великанова.

В 1981 году имели место съезды писателей РСФСР и почти сразу же за ним — СССР. И на обоих выступил автор многосерийного "Дяди Стёпы" и ряда многократно переделанных из одной в другую пьес ("Весёлые сновидения" — "В стране игр" — "Новые похождения кота в сапогах") и ряда сугубо описательных и развлекательных стихов, родной брат казахских акынов, — Сергей Владимирович Михалков. Кому, как не ему, после Чуковского и Маршака докладывать о детской литературе! Он же навечно зачислен в номенклатуру указанием свыше...

И оба раза он не упомянул среди детских писателей Владислава Крапивина. Других, куда меньших калибром и потому безобидных упомянул, а его не изволил заметить. На

республиканском съезде хоть постарался внести уточнение Анатолий Алексин, а на всесоюзном и он промолчал — видать, разъяснили ему, что для него хорошо и что плохо, и что ему делать, чтобы было хорошо...

(Яков Цукерик, "Три комиссара детской литературы")

"Часть произведений Владислава Крапивина были экранизированы и часто показывались по Центральному телевидению. Нескольких премий был удостоен фильм "Колыбельная для брата" по сценарию В. Крапивина. Владислав Петрович Крапивин -лауреат премии Ленинского комсомола, премии "Аэлита" журнала "Уральский Следопыт", премии имени А. Гайдара журнала "Пионер" и других литературных премий"

(сайт liceybiblio.amoti.ru)

"Лауреат премии «Аэлита» Союза писателей РСФСР(1983), литературной премии губернатора Свердловской области (1999), Российской литературной премии имени Александра Грина (2001), литературной премии «Малая Урания» (2001), литературной премии имени разведчика Николая Кузнецова (2003), литературной премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка (2003), Всероссийской литературной премии имени П.П.Бажова (2005), трех премий «Большой Роскон» (2006), Международной литературной премии «Облака» (2009)

В 2006г. Свердловский областной общественный фонд "Фонд Владислава Крапивина", Ассоциация писателей Урала учредили Международную литературную премию Владислава Крапивина, которая вручается лучшей детской или подростковой книге"

(сайт rkarronad.my1.ru)

Некоторые фразы Крапивина стали довольно известными, например, такая из «Синего треугольника», где автор, написав серию репортажей о вымышленном плавании, затем наблюдает за восторгами редакторши.

— И я... и я... — рыдала грузная крашенная Маргарита, — я верила всему... этому бреду... как последняя дура...

— Почему же «как», — вежливо сказал я.

Итак, наступили новые времена - «лихие» девяностые. Именно на рубеже девяностых создавался цикл, о котором идет речь в нашем исследовании.

"Цикл «В глубине Великого Кристалла» создавался Владиславом Крапивиним в конце 80-х — начале 90-х годов XX века, год создания последней повести, «Сказки о рыбаках и рыбках», — 1991 - стал и годом окончания советского периода в истории нашей страны, что не могло не найти отражения и в проблематике, и в общем «переломном» тоне всего цикла, особенно остро ощутимом в его хронологически последней повести" (Е. Великанова).

"Крапивина советская власть³ официально поддерживала, награждала его орденами, почетными званиями, премиями. Поддерживала “на верхних этажах”, но творила много мелких и крупных неприятностей в повседневной практической жизни" (В. Лукьянин).

³ Советская власть, возможно, была не идеальна. Но все познается в сравнении. Так что каждый может просто сравнить ее с демократической властью и сделать свой вывод.

Вот Цукерик журит советскую студентку: "Правда, никто в школе не попытался уточнить — сколько тех денег пропало. Раз практикантка получила сорок рублей стипендии, то ясно, что и украли все сорок... А было всего четыре рубля — видать, плохо держатся деньги у наших практиканток..."

Какой славной кажется теперь эта черта практикантки..

"При всех минусах социализма социализм давал массе людей, среднему человеку какие-то социальные гарантии, кусок хлеба, без масла, но кусок хлеба, давал возможность жить более или менее спокойно, работать определенное число часов в неделю, приходиться и смотреть телевизор", - говорил Крапивин в интервью, которое было опубликовано в газете "Завтра" (сам Крапивин согласия на публикацию в ней не давал).

"Однако после 1991 года в "демократических кругах" стали проскальзывать недобрые разговоры про "писателя пионерской темы", про славу, искусственно подогревавшуюся по инициативе ЦК комсомола".

В девяностые Крапивину было не сладко.

- Много ли, скажите, осталось детских писателей?! - вопрошал он, - Ну, вот у нас в городе мы с Георгиевым. А вообще — ну, Успенский с его забавными героями. Ну, Остер... Кто еще? А ведь когда-то было такое блистательное созвездие — Кассиль, Барто, Алексин, Юрий Яковлев, Воробьев, Железников... Но, может быть, детские писатели есть, работают, только издавать их совсем перестали?

— Но вы-то ведь издаетесь?

— Это, знаете, как сказать! За три последних года я получил отказ от девятнадцати издательств. От девятнадцати, вдумайтесь, а ведь я человек с именем. Одни заявляют, что мои вещи им не подходят, потому что слишком психологичны. У других материальные дела очень плохи. Третьи... Ну, вот в "Ковчеге", например, заломили совершенно кабальные условия — издадут, дескать, мою повесть, если я передам им эксклюзивное право издавать ее во всем мире.

В другом интервью писатель говорил:

- Для меня паруса сегодня — это уход из нынешнего... кхм, такого-то мира, это в нём последнее светлое пятно.

Получается, ценил писатель, ценил возможность ухода из современной "реальности". "Мир сейчас достаточно поган, тёмный, чёрный, честно говоря, надежды на взрослых у меня ни малейшей. Поэтому надежда только на тех, кто ещё растёт. Надеюсь на то, что это поколение не столь испорчено, не столь отравлено идеологией и реалиями нашего быта", - говорил он в другом интервью.

В девяностые два журналиста, пришедшие к Крапивину, представились корреспондентами нового журнала фантастики, но опубликовали интервью - то в газете "Завтра".. Забавный случай, что и говорить.

"Когда наступили рыночные времена, выяснилось, что Крапивин бескомпромиссен: он не приемлет новейшей попсы и не вписывается в жанр "фэнтези", к которому по формальным признакам относятся его очаровательные сказки для взрослых и детей. Тем не менее читатели, верные своему любимому автору, могут найти на книжном рынке кое-что из новинок" (Вера Петрова, "Морская наука Владислава Крапивина").

В девяностые было много таких событий, о которых писатель не мог молчать.

— В "Пионерской правде" отказались печатать мою последнюю вещь, и я сотрудничество с ними прекратил. По-моему, они испугались, что я достаточно четко и однозначно высказал свое отношение к чеченской войне и ее жертвам — детям, - говорил Крапивин в одном из интервью.

В девяностые годы Крапивин так говорил об отсутствии идеологии: " .. мешает писать обстановка в стране, и не тем, что плохо печатают, и прочее, а просто это ощущение какой-то неуверенности, полного наплевательства по отношению к человеку, беззакония дикого, непрочности Бытия. Я вполне понимаю, например, Виктора Конецкого, который, в каком-то интервью, по-моему, с полгода назад, сказал, что он не может писать из-за такого состояния нашего общества".

Именно в это время Крапивин вспоминает о былых достижениях социалистического общества - " .. были и какие-то достижения. Всё-таки общество это считало необходимым, хотя бы в своём ключе, но как-то воспитывать подрастающее поколение и заботиться о будущем. Сейчас этого нет совершенно".

Итак, отсутствие идеологии, отсутствие идей - характерная примета девяностых - не оставляли, как говорится, писателя равнодушным.

Особенно выхолащивание идей педагогических. "А что касается детских организаций, то они действительно должны быть, всякие, какие угодно, и скаутские, и пионерские, потому что всякий ребёнок должен уметь ощущать себя в коллективе и чувствовать какую-то

ответственность за коллектив, и ощущать чувство локтя и чувство защищённости", - заявлял Крапивин.

И еще: "Как бы ни ругали нашу советскую систему образования, но она была одной из лучших в мире, когда она была бесплатной, обязательной и давала прекрасные результаты. И вузы наши были прекрасные. А то стали бороться с идеологизацией образования и выплеснули всё. Мол, и вся школа плохая. А ведь и знания давали неплохие, и главное, что люди-то выходили образованные, и общество было образованным".

А литература, детская литература? "Хорошая была литература, детская советская литература, - утверждает писатель, - Несмотря на излишнюю пропаганду коммунистических идей, она всё-таки была очень психологична, очень богата проблемами, очень богата интересными героями. По своему литературному уровню, чисто профессиональному, она, мне кажется, была гораздо выше детских литератур других стран. Но у нас же как пойдут крушить-ломать... То храмы, то театры, то не знаю что... Так же и тут - начали бороться с социалистическими идеями, а покружили и всё остальное".

На замечание интервьюера о российской специфике девяностых Крапивин вопрошал:

- Какая сейчас сохраняется специфика? Сейчас кавардак, а не специфика. Никакой специфики сейчас вообще нет.

- Кавардак там, наверху, - возражал интервьюер.

- И везде, во взглядах людей, - отвечал писатель.

"В том детстве были какие-то определённые нравственные категории, сейчас этого совершенно нет. Я сейчас вспоминаю своё детство, потом 70-е годы, когда существовал какой-то кодекс мальчишечьей жизни. При всём том, что была шпана, уголовники, трудные подростки. Тем не менее, сохранялись какие-то нормы. Сейчас законы уголовной зоны царят уже в очень многих школах, и просто страшно туда ходить, рэкет и т.д. Родители как-то не вникают, отмахиваются, закрывают на это глаза. Учителя абсолютно беспомощны, настолько это массовый размах приняло. И участковый ничего не может сделать".

Вот такие интересные наблюдения писателя, рисующие характер эпохи. Не благосклонен писатель и к современной музыке.

- В повести "Синий город на Садовой" герои читают Толкина и слушают группу "Аквариум". А как Вы сами относитесь к песням группы "Аквариум", к рок-музыке вообще? - спросили у Крапивина.

- То, что герои у меня любят группу "Аквариум" не говорит о том, что я люблю современную музыку. Я к ней никак не отношусь. Я просто её не понимаю и не знаю. Я в этом плане большой консерватор.

Вот отрывок из интервью, опубликованном в девяносто восьмом году в "Учительской газете".

- И каковы ваши личные творческие перспективы?

- Ну какие сейчас перспективы... Я ведь не Михаил Афанасьевич Булгаков, чтобы пятнадцать лет писать один роман, зная, что его не напечатают. Я когда пишу, то должен видеть перед собой перспективу публикации. Не потому, что мне надо обязательно напечататься и получить деньги, нет - просто необходимы выход к читателю, общение с ребятами. А перспектив таких фактически сейчас нет. Журнал "Пионер", по сути, прекратил свое существование. "Уральский следопыт", где я также постоянно печатался, имел тираж почти полмиллиона, и сейчас у него тираж три с половиной тысячи.

Знакомая "ситуация". А в "нулевые" годы писатель признавался:

- Действительно смешно: в этом году вышло 5 книг В. Крапивина, а их автор не может решить две проблемы: во-первых, чем накормить двух своих голодных котов (о которых немало писал в разных книжках), и во-вторых, на что купить хотя бы несколько бутылок к юбилею...

Кроме того, писатель рассказывает почти анекдотичную историю: "В Свердловске меня давно уже не печатают. Наше Средне-Уральское книжное издательство вообще отгородилось от уральских авторов. Как только началась перестройка, они бросились печатать "Анжелику" и прочее и на этом прогорели".

Это было бы смешно, если бы не было так.. грустно.

В 98-м году издательство "Центрполиграф" выпустило четыре книги Крапивина, пятая появилась в издательстве "Детская литература", в серии для подростков "Опасный возраст". "В эту книгу, вышедшую под названием "Взрыв генерального штаба", включены две повести. Первая, по которой и назван сборник, печаталась в "Уральском следопыте", вторая - "Самолет по имени Сережа" - в газете "Честное слово" (В. Петрова).

По словам В. Петровой, сам писатель в девяностые был не очень-то защищен от "реалий" рынка и кризиса. По телефону Владислав Петрович не без черного юмора рассказывал о том, как издательство "Центрполиграф" искусно маневрирует, чтобы не заплатить автору положенный гонорар. Не лучше обстояли дела на родине: книжка "Синий краб", запланированная как раз к юбилею, застряла в издательстве "Уральский рабочий" из-за отсутствия средств. "Все-таки Владислав Крапивин продолжает активно работать. Буквально на днях он закончил новую повесть "Полосатый жираф Алик"."

Итак, перемены, произошедшие в девяностые, Крапивину пришлось не по нраву.

- Так было в нашей стране до середины 80-х годов, - говорит он в интервью, - Молодой писатель, сочинивший для детей интересную повесть, мог напечатать ее в «Пионере», «Костре», «Пионерской правде», «Уральском следопыте» и сразу становился известен читателям всей страны (здесь Крапивин имеет в виду себя).

А теперь, будь ты хоть Андерсен, кто тебя узнает при нынешних тиражах? Исключения редки... Способные авторы есть (хотя их немного), но и они чаще всего уводят читателей в мир чародеев и принцесс и стараются внушить им идеи «лидерства» и преуспевания, а не вечные ценности, далекие от прагматизма... А детской литературы как явления я сейчас у нас не вижу. Делаются какие-то попытки (например, премия «Заветная мечта»), но это капля в море...

Безусловно, теперь, в эпоху развития интернета, известным стать гораздо проще. Жаль только, что для многих интернет полностью заменил книгу. А этого происходить не должно.

В "нулевые" годы писателю также приходилось не сладко.

– В повести «Тень каравеллы» вы описали душевное состояние, которое окрестили «утык», - спросил его как-то Дм. Бирюков, - то есть «если все несчастья утыкаются в одного человека, в меня». Случается ли у вас «утык» и как вы с ним боретесь?

– «Утык» у меня не «случается», а присутствует почти постоянно – такова нынешняя действительность, - ответил Крапивин, - И боюсь, что не только у меня. А как с ним бороться? Разве что с помощью коньяка ...

Однако в "нулевые" годы у Крапивина все же выходит Собрание сочинений, в тридцати томах. Согласитесь, что это немало.

- Сейчас вот вышло собрание сочинений: с ума сойти - при жизни автор сподобился увидеть на полке свой 30-томник! - восклицает писатель, - Но тираж - 10 тысяч! Обычный для наших дней тираж, неплохой даже - но что это для России!

В две тысячи пятом году у Крапивина выходит новая книга.

— У вас буквально на днях вышла новая книга. Удалось ли сказать в ней то, что хотелось?

— В книгу вошли две вещи — «Прохождение Венеры через диск солнца» и «Топот шахматных лошадок». Хочется, чтобы в новой книге каждый открыл что-то новое для себя. Не всегда это получается, конечно, трудно донести новую мысль, когда пишешь уже 48 лет. Но Константин Паустовский, у которого я учился писать, говорил: «Не надо бояться повторений». В этих двух новых романах довольно много философии, размышлений о жизни, они о том, как люди учатся жить легче, дружнее.

Вот что говорит Крапивин о современности:

- Не думаю, что этот мир радует моих детей. И в близком будущем не вижу светлых перспектив. Мне кажется, многие из тех, кто оказался у руля, думают прежде всего о себе. А не о стране и ее населении.

- И раньше так было, - пытается возразить ему интервьюер, явно напирая на советское время.

- Раньше они должны были хоть как-то соответствовать идеям, которые декларировали. Сейчас и этого нет. Разрушено не только то, что отвратительно и страшно. Разрушены драгоценные завоевания общества: бесплатное качественное образование, бесплатная медицина, социальные гарантии. И вот кто-то отправляет сына в английский лицей, а у кого-то на это нет денег, и его ребенок шастает по подворотням. У "Пионерской правды" был тираж 10 миллионов, сейчас 20 тысяч. Государство перестало поддерживать детскую литературу. Но детская литература, детская журналистика быть самокупаемыми не могут - на детях бизнес не сделаешь.

- Как это не сделаешь бизнес? - возражает интервьюер, - А "Гарри Поттер"? миллионные прибыли!

- Безусловно. Но, во-первых, "Гарри Поттер" - не наш бизнес. Во-вторых - средняя книжка. Не могу сказать - плохая: она интересна, но язык так себе, мастерства немного.